

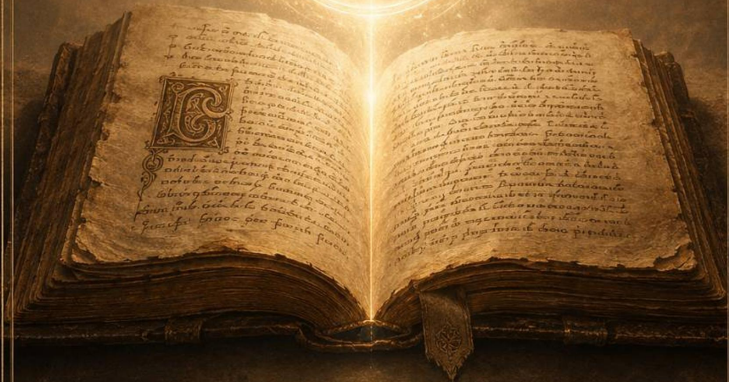
С О С Т О Я Н И Е

Притчи о любви, выборе
и последнем пределе

СО 100

Я

Н И Е

Голос из глубины веков

Сергей Забияко

Сергей Забияко

Состояние. Притчи о любви, выборе и последнем пределе

<https://litres.ru/74371502>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что остается от человека, когда привычные ответы больше не работают?

Любовь и предательство, власть и бессилие, верность и утрата, страх, выбор и смерть — вещи, о которых люди спорили тысячи лет. Менялись царства, законы и имена, но сам человек менялся куда медленнее.

«Состояние. Притчи о любви, выборе и последнем пределе» — это книга современных размышлений, рассказанных голосом, будто пришедшим из глубины веков. Ее герои ищут счастья, теряют близких, пытаются владеть другими, ошибаются, выбирают и однажды встречаются с тем, от чего уже невозможно отвернуться.

Эти притчи не дают готовых ответов. Они предлагают посмотреть на человека в тот момент, когда исчезают оправдания и становится видно главное: не только что с ним произошло, но и кем он оказался перед лицом произошедшего.

Содержание

Голос из глубины веков	7
КНИГА I. О ТОМ, КАК ОДИН МИР	7
СТАНОВИТСЯ МНОГИМ	
О том, каким бывает один и тот же мир	7
1. О двух рассветах над одним городом	7
2. О советнике, знавшем правильные слова	9
3. О камне и тени камня	11
4. О письме с одной печатью	13
5. О мудреце, проигравшем собственной мудрости	14
6. О ночном философе	16
7. О страже, которая видела только врага	18
8. О человеке, который говорил: «Я таков»	20
9. О гонце и приказе	21
10. О причине и последствии	22
11. О двери, которой человек не видел	23
12. О первом мгновении	24
О плоти, которая входит в день прежде человека	25
13. О царе, которого утро встретило прежде мыслей	25
14. О воротах, которые принимают весть прежде дворца	27
15. О судье, которому ночь отняла меру	28

16. О боли, которая заняла слишком много места	29
17. О книжнике и хлебе	30
18. О дороге, которую ноги открыли уму	31
19. О царе, который хотел повелевать плотью	32
20. О весах, которые сделались судьей	33
21. О человеке, который вышел из болезни не весь	34
22. О хлебе, который был и утешением, и обвинителем	35
23. О юноше и старце, плативших разную цену	36
24. О доме, где тело знало хозяина по шагам	37
25. О дрожи перед незнакомой дорогой	38
26. О суде, который я перенес	39
27. О последнем свидетеле	40
28. О руке, которая знала раньше хозяина	41
О грядущем, которое входит прежде своего часа	42
29. О человеке, встретившем день прежде рассвета	42
30. О страже, знавшей пыль на восточной дороге	44
31. О шаге за дверь	45
32. О земледельце, который посеял прошлогоднюю засуху	46
33. О муже, который начал отвечать прежде вопроса	47
34. О купце, который торговался сам с собою	48

35. О доме, который берегли от ухода	49
36. О доброй вести, которой не ждали	50
37. О человеке, потерявшем опору в ясный день	51
38. О человеке, который не впустил добрую весть	52
39. О воротах, у которых задержали караван	53
40. О писце, который записывал только поражения	54
41. О второй чаше воды	55
42. О городе, в котором война началась прежде войска	56
О трех дорогах перед препятствием	58
43. О трех слугах у одной стены	58
44. О виноградаре, который не бросил лозу	59
45. О колодце, который копали после исчезновения воды	60
46. О проводнике, который сказал: «Не знаю»	61
47. О человеке, который всю жизнь выбирал дорогу	62
48. О поле, оставленном под паром	63
49. О двери, которую закрыли и забыли открыть	64
50. О военачальнике, сменившем три приказа	65
51. О молоте, который был хорош только для камня	66
52. О дороге, которую человек сам делал единственной	67

53. О сильном человеке, которого хвалили слишком долго	68
54. О советнике, который боялся сказать царю: «Мы ошиблись»	69
55. О свитке, который не хотел закончиться	70
56. О садовнике, который отошел от дерева	71
57. О человеке, заметившем, какой путь уже ведет его	72
О замысле, который еще не стал делом	73
58. О человеке, распорядившемся завтрашним днем	73
59. О деле, исполненном в сердце	75
60. О письме, которое становилось тяжелее каждый день	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Забияко

Состояние. Притчи о любви, выборе и последнем пределе

Голос из глубины веков

КНИГА I. О ТОМ, КАК ОДИН МИР СТАНОВИТСЯ МНОГИМ

О том, каким бывает один и тот же мир

1. О двух рассветах над одним городом

Было утро, когда вышел я на кровлю дома моего и увидел город, который знал много лет.

Купцы открывали лавки, слуги несли воду, стража менялась у ворот, и спор двух соседей уже собирал слушателей. Я смотрел на это и думал: жив город, и много дорог открыто

в нем человеку.

И было другое утро. Город был тот же, и те же ворота стояли на месте, и те же голоса поднимались с улиц. Но все казалось мне тесным. Шум раздражал, просьбы людей были тяжелы, дела множились быстрее сил, и даже свет казался слишком резким.

Тогда спросил я себя: когда же успел измениться город?

И не нашел перемены ни в стенах его, ни в рынке, ни в дороге к дворцу.

И понял я, что человек входит в один и тот же день не одним и тем же путем.

Есть часы, когда препятствие имеет меру, а есть часы, когда оно заслоняет собою весь горизонт. Есть время, когда чужое слово остается словом, и время, когда оно входит в сердце как приговор.

Потому не всякая перемена мира произошла в мире.

Но и не всякая перемена внутри человека делает мир призраком.

С тех пор, прежде чем проклясть весь город, я смотрю, кто именно вышел сегодня на кровлю.

2. О советнике, знавшем правильные слова

Был у меня советник, хорошо знавший, как следует поступать в трудный час.

Когда спорили другие, он говорил им о терпении. Когда кто-либо торопился вынести решение, он советовал дожждаться утра. Когда человек стыдился ошибки, советник напоминал ему, что одна ошибка не равна всей жизни.

И вот пришел день, когда беда коснулась его самого.

Он услышал слово, которое принял за унижение, и ответил прежде, чем успел вспомнить собственный совет. После же говорил: «Я знал, как следовало поступить».

И размышлял я: что значит знать дорогу, если в нужный час она скрыта туманом?

Многое хранит человек в уме своем, но не все вспоминает тогда, когда оно нужнее всего.

Сокровище может лежать в доме, а ключ от двери быть потерян.

Так и мудрое слово иногда живет в человеке, но не достигает руки его в час гнева, страха или стыда.

Посему я перестал удивляться всякому, кто говорит: «Я все понимаю, но снова сделал по-старому».

После этого я меньше удивлялся ему. Кладовая его была

полна; в тот час он просто не нашел ключа.

3. О камне и тени камня

При дороге к Гаваону лежал большой межевой камень. Утром тень его вытягивалась через половину дороги, а к полудню собиралась у подножия.

Однажды два землемера заспорили при мне. Один говорил: «Камень закрывает путь». Другой засмеялся: «Он едва занимает локоть земли».

Я велел им вернуться к тому месту на следующий день, одному на рассвете, другому в полдень.

Оба вернулись сердитые и оба принесли мне правдивые меры.

Тогда я сам приехал к камню.

Камень не двигался.

Двигалось солнце.

И все же путник утром действительно должен был обходить длинную тень, а в полдень шел почти рядом с камнем.

После этого, когда двое приносили мне разные рассказы об одном деле, я прежде спрашивал не только: «Кто из вас прав?», но и: «В какой час каждый из вас стоял у камня?»

Есть вещи, которые не зависят от нашего взгляда.

И есть тени, которые видит только тот, на чью дорогу они легли.

Плохо тому судье, который принимает тень за камень.

Но не лучше тому, кто, увидев камень в полдень, говорит

утреннему путнику: «На твоей дороге не было тени».

4. О письме с одной печатью

Однажды я велел передать трем начальникам одну и ту же записку: «Приди ко мне после заката».

Первый прочитал ее и продолжил дело свое.

Второй побледнел, ибо накануне допустил ошибку и решил, что будет лишен места.

Третий обрадовался, потому что давно ожидал, что ему поручат большее дело.

Печать была одна. Слова были одни. Но до моего двора пришли уже три разных события.

И увидел я, как быстро человек дописывает то, чего еще не было написано.

Память дает слову прошлое. Страх дает ему угрозу. Надежда дает обещание. И все это совершается прежде, чем выяснится, зачем его позвали.

Когда пришли они, я спросил каждого о простом деле, не связанном ни с наказанием, ни с наградой.

Первый удивился мало. Второй облегченно выдохнул. Третий скрыл разочарование.

Так понял я: человек отвечает не только тому, что услышал, но и тому, что успел достроить вокруг услышанного.

Когда они ушли, я еще раз прочитал свою записку. В ней по-прежнему было всего пять слов. Остальное каждый принес с собой.

5. О мудреце, проигравшем собственной мудрости

Видел я человека, собравшего много книг и изречений.

Он мог объяснить, отчего гнев ослепляет, почему страх торопит, как тщеславие заставляет человека служить чужому взгляду и отчего следует быть умеренным в суде над собою.

Но домашние боялись часа, когда он возвращался раздраженным.

Тогда знание его словно отходило в соседнюю комнату.

Позднее он стыдился и говорил: «Как мог я поступить так, если понимаю это лучше многих?»

И сказал я ему: знание, которое человек носит перед собою как светильник, еще не всегда вошло в ноги его.

Можно знать меру вина и все же пить лишнее. Можно учить терпению и быть нетерпеливым. Можно знать дорогу к источнику и остаться у пустого кувшина.

Не презирай знание, ибо без него человек долго блуждает.

Но не поклоняйся ему, как будто названное уже стало измененным.

Между словом, которое человек понял, и образом, которым он живет, иногда лежат многие годы.

Через неделю он пришел ко мне без новой книги и сказал:

«Теперь я сначала смотрю на лица домашних, когда вхожу в дом».

6. О ночном философе

Один писец работал у меня до глубокой ночи.

К полуночи он положил трость и сказал: «Нет порядка в делах человеческих. Труд мой пуст. Книга дурна, люди неблагодарны, а завтрашний день принесет только новое время».

Я велел ему идти спать.

Утром он вернулся и сказал: «Я нашел ошибку в третьем свитке. Если исправить ее, работа пойдет дальше».

Я спросил: «А как же бессмысленность всего труда твоего?»

Он смутился и отвечал: «Ночью она казалась несомненной».

И запомнил я это.

Усталый человек любит говорить о вечности.

Малое истощение надевает одежду пророка и говорит: «Так будет всегда».

Иногда оно говорит правду. Тело может первым возвестить, что труд стал чрезмерен, дом сделался тяжел, а прежний путь требует перемены.

Но усталость плохо знает меру вещей.

Она берет сегодняшний груз и кладет его на все будущие годы.

Утром я спросил писца, хочет ли он сжечь свитки. Он рас-

смеялся. С тех пор я даю ночному приговору дожить до рассвета.

7. О страже, которая видела только врага

Поставил я стражника на башне над восточными воротами.

Был он бдителен и однажды прежде других заметил всадников, приближавшихся без знамени. Благодаря ему ворота закрыли вовремя.

После этого стражник возгордился бдительностью своей. Каждое облако пыли стало для него войском. Каждый поздний путник казался разведчиком. Каждый шум за стеной получал имя угрозы.

И однажды, всматриваясь вдаль в поисках врага, он не заметил, что у самых ворот сломалась телега и перекрыла дорогу.

Тогда понял я: глаз, научившийся искать одно, действительно находит это быстрее других.

В этом бывает спасение.

Но то же умение делает человека беднее, если все остальное перестает существовать для него.

Испуганный собирает угрозы. Обиженный собирает доказательства несправедливости. Стыдящийся замечает лица, перед которыми может оказаться мал. Уверенный в любви слышит в той же тишине отдых, а не уход.

Не всякий выбранный глазом знак ложен.

Я оставил его на башне, но поставил рядом второго стражника, который умел различать телегу, караван и войско. Один раньше видел опасность; другой не давал опасности стать именем для всего, что движется по дороге.

8. О человеке, который говорил: «Я таков»

Жил в Иерусалиме торговец, известный вспыльчивостью.

Он говорил: «Я таков с рождения. Отец мой был горяч, и я горяч. Кто имеет со мною дело, пусть знает это».

И люди знали.

Но заметил я странное: перед богатым покупателем торговец умел ждать. Перед человеком, от которого зависела большая сделка, голос его становился ровнее. Сильнее всего он гневался дома, когда чувствовал, что его не слушают.

И спросил я его: «Если гнев твой есть неизменная природа, отчего же он так хорошо знает, перед кем ему являться?»

Торговец рассердился и на этот вопрос.

Через несколько дней он снова пришел ко мне.

На этот раз он не сказал: «Я таков».

Он спросил: «Почему дома я иной?»

И с этого вопроса началась наша беседа.

9. О гонце и приказе

Однажды ночью к западным воротам прискакал гонец. Конь его был в пене, одежда в пыли, и прежде чем он успел сойти с седла, начальник стражи велел трубить тревогу.

Я проснулся от трубы.

Гонец принес весть: в селении за стеной загорелся амбар. Огонь уже потушили; он просил людей разобрать обгоревшую кровлю.

Начальник стражи оправдывался: «Я увидел, как он скачет».

И я не наказал его за страх. За месяц до того враг действительно пришел с той стороны, и тогда промедление стоило нам людей.

Но я спросил его: «Кто в эту ночь был начальником ворот: ты или скачущий конь?»

Он молчал.

Гонец должен входить быстро. Для того он и гонец.

Но приказ остается делом того, кто выслушал весть.

С тех пор я не требовал от стражи, чтобы сердце ее не вздрагивало при пыли на дороге.

Я требовал лишь, чтобы между пылью и трубой оставалось время услышать слова всадника.

10. О причине и последствиях

Однажды надсмотрщик ударил молодого работника так, что тот три дня не мог подняться.

Надсмотрщик сказал: «Он ослушался приказа».

Я велел привести свидетелей. Приказ был. Ослушание тоже было.

Но после оказалось, что работник всю ночь вытаскивал людей из обрушившегося рва и к утру едва стоял. Надсмотрщик этого не знал.

Некоторые при дворе сказали: «Тогда вина его меньше». Другие сказали: «Неважно, почему он ослушался: приказ есть приказ».

Я слушал их и видел, как каждый спешит оставить на весах только одну чашу.

Усталость работника не делала удара надсмотрщика мягче.

Удар надсмотрщика не делал усталость работника выдумкой.

Я наказал надсмотрщика за удар и велел больше не ставить человека после ночной работы в утренний караул.

С того дня я знал: причина не смывает кровь с руки.

Но кровь на руке еще не рассказывает всей истории.

11. О двери, которой человек не видел

Пришел ко мне строитель и сказал: «Эту стену невозможно разобрать до конца месяца».

Я спросил мастера: «Почему?»

Он назвал нехватку людей, тяжесть камня и короткий срок. И я увидел, что дело действительно почти невозможно.

В другой раз тот же строитель сказал: «Я не могу закончить двор».

Но теперь камня было довольно, люди были свободны, а срок не теснил.

Он ходил вокруг работы три дня и не начинал.

Тогда старый мастер велел убрать с площадки лишние телеги, разделил дело на четыре участка и поставил людей только на первый.

К вечеру работа уже шла.

И подумал я: слова «не могу» иногда говорят о стене, а иногда о том, что человек не видит двери. На следующий день он нашел проход в соседней кладке.

Но в первый раз прохода действительно не было.

12. О первом мгновении

Судил я однажды спор двух братьев.

Старший говорил, что младший намеренно унизил его перед людьми. Младший клялся, что сказал слова без злого умысла.

Я уже видел, как лицо старшего налилось гневом, и знал, каким будет следующее слово его.

Но он вдруг замолчал.

Не надолго. Лишь настолько, чтобы спросить брата: «Ты хотел именно этого?»

И разговор пошел другой дорогой.

Позднее я спросил его, отчего он остановился.

Он сказал: «Я услышал свой ответ раньше, чем произнес его, и понял, что уже вынес приговор тому, чего еще не спросил».

Малое мгновение.

В нем не исчез гнев. Не стала ясной вся правда. Не сделался человек свободным от себя.

Но первая версия случившегося перестала быть единственной.

И подумал я: щель в закрытой двери еще не есть выход, но через нее уже видно, что за дверью существует мир.

Я запомнил не его ответ, а короткую паузу перед ответом. В тот день ее оказалось достаточно.

О плоти, которая входит в день прежде человека

13. О царе, которого утро встретило прежде мыслей

Бывали утра, когда я открывал глаза прежде восхода солнца и еще не вспоминал ни войны, ни долга, ни прошений народа.

Но день уже имел для меня меру.

В один час лестница во двор казалась короткой, голоса слуг не теснили слух, и дело, трудное вчера, имело начало и конец. В другой час та же лестница была длинна, шум воды раздражал, и всякая просьба входила как новый груз.

Я спрашивал себя: кто принес мне эту перемену, если еще никто не успел войти в мои покои?

И понял я, что плоть просыпается прежде царя.

Ночь уже оставила на ней свой счет. Сон или бессонница, сила или ломота, легкость дыхания или тяжесть груди уже сидят с человеком за столом, когда разум еще думает, что пришел первым.

Посему не всякому утру давал я власть судить всю жизнь мою.

Ибо иногда день труден не потому, что все дороги закрыты, а потому, что ноги еще не обрели своей меры.

14. О воротах, которые принимают весть прежде дворца

У города есть ворота, и не всякий входящий идет прямо к царю.

Одни вести задерживаются у стражи, другие изменяются по дороге, третьи приходят с пылью, кровью или запахом дыма, и прежде слов своих уже сообщают нечто.

Так и мир входит в человека.

Холод касается кожи прежде размышления о зиме. Запах хлеба будит память прежде имени дома. Резкий голос собирает плечи прежде того, как человек решит, опасен ли говорящий.

И видел я, что разум любит считать себя дворцом, куда приносят чистые свитки.

Но свиток редко приходит чистым.

Он уже несет на себе след дороги.

И кто желает понять весть, тому полезно знать не только, что написано на ней, но и какими воротами она вошла.

15. О судье, которому ночь отняла меру

Был у меня судья, терпеливый в делах и медленный на гнев.

Однажды он не спал почти всю ночь, а утром к нему привели двух земледельцев, споривших о меже.

Я видел, как быстро сделались для него глупы свидетели, дерзок писец и тяжек весь народ.

Он уже хотел отсечь спор суровым словом.

И велел я перенести суд.

На другой день пришли те же люди и принесли те же доводы. Но судья услышал то, чего накануне не слышал.

Тогда сказал он мне: «Вчера мне казалось, что я вижу их яснее».

И запомнил я это.

Ибо изнеможение не всегда лжет человеку, но любит увеличивать печать свою и ставить ее на весь мир.

16. О боли, которая заняла слишком много места

Пришел ко мне человек судиться с братом своим.

Он говорил жестко, перебивал и принимал всякое слово как укол.

И заметил я, что рука его все время лежит на щеке.

Много дней мучил его больной зуб.

Я послал его к лекарю, а спор отложил.

Когда он возвратился, брат его не стал правее, земля не стала шире и давняя обида не исчезла. Но человек уже мог выслушать речь до конца.

И подумал я: боль мала местом своим, но велика владением.

Она сидит в одном зубе, в одной ране, в одном суставе, а собирает дань со слуха, терпения, сна и доброты.

Однако и страдающий остается человеком среди людей.

Рана объясняет, отчего рука ближе к мечу, но не всякий удар меча становится от этого справедлив.

17. О книжнике и хлебе

Один книжник работал над свитками моими с самого утра и не вкушал пищи.

К вечеру он отбросил трость и сказал: «Труд человеческий пуст, мысль моя иссякла, и нет пользы в словах мудрых».

Я спросил его, когда он ел.

Он рассердился на вопрос мой.

Но хлеб был принесен, и вода, и несколько плодов.

После еды тайны мира не открылись ему, но через время он снова взял трость и нашел ошибку в счете строк.

С тех пор я с осторожностью слушал великую мудрость, рожденную натошак.

Есть скорбь, которой хлеб не поможет, и есть беда, от которой сон не избавит.

Но смешон человек, который требует ответа от небес, прежде чем спросит плоть свою, не просит ли она простого.

18. О дороге, которую ноги открыли уму

Долго решал я дело о воде для нескольких селений.

Писцы разложили передо мною свитки с мерами, землемеры спорили, и чем дольше я сидел, тем теснее становилась мысль.

Тогда вышел я и пошел вдоль старого водовода.

Я увидел склон, которого не видел на свитке, сухое русло и место, где камень позволял повернуть воду.

Дело не стало легким, но снова стало делом.

И понял я, что не всякая мысль рождается в неподвижности.

Иногда нога находит продолжение рассуждения, дыхание возвращает меру, а дорога делит великое на шаги.

Но бывает и иначе: человек идет, когда надлежало лечь, и подгоняет тело, которое просит покоя.

Потому и движение, и покой мудры только в свой час.

19. О царе, который хотел повелевать плотью

Царю легко привыкнуть к повиновению.

Я говорил, и открывались ворота. Повелевал, и строители поднимали стены. Посылал людей в дальние земли, и они шли.

И захотел я однажды того же от плоти своей.

Чтобы она не уставала, когда у меня много дел. Чтобы не болела, когда замысел велик. Чтобы не требовала сна, если ночь удобна для труда. Чтобы не старела прежде окончания моих построек.

Но плоть не была слугою при дворе моем.

Она была частью того, кто сидел на престоле.

И если я презирал тихие знаки ее, они становились громче.

Так узнал я предел власти, которого не показывают царские карты.

Можно повелевать многими людьми и все же не иметь права отменить меру собственной крови, костей и сна.

20. О весах, которые сделались судьей

Знал я мужа, который был тяжел телом и медлен в движении.

Он изменил пищу, стал ходить дальше, работать руками и через время сделался легче.

Дорога стала для него длиннее, день вместительнее, и он радовался.

Потом люди начали хвалить его внешний вид.

И незаметно то, что было служителем жизни, само село на престол.

Каждая лишняя мера пищи стала виною. Пропущенная прогулка омрачала день. Весы утром решали, достоин ли он покоя вечером.

И увидел я, как одно и то же дело может вести человека двумя дорогами.

Один облегчает тело, чтобы свободнее жить.

Другой истязает его, чтобы заслужить право не стыдиться себя.

Снаружи оба воздержанны.

Но один выходит из темницы, а другой строит ее из более красивого камня.

21. О человеке, который вышел из болезни не весь

Один человек долго болел, а потом сила возвратилась к нему.

Он снова мог подниматься по лестнице, работать руками и ходить далеко.

Друзья говорили: «Ты снова тот, кем был».

Но он садился ближе к двери, избегал долгих дорог и ждал усталости прежде ее прихода.

Тело его уже покинуло прежний дом, а сердце еще носило ключ от него.

И увидел я, что не всякая перемена завершается в тот день, когда ее замечают другие.

Ноге нужно пройти новую дорогу не однажды. Руке нужно поднять тяжесть и не упасть. Человеку нужно много раз встретить день, в котором старый приговор не исполнился.

И тогда новое входит в него не как весть, а как прожитая земля.

22. О хлебе, который был и утешением, и обвинителем

В одном доме хлеб клали на стол к вечеру, и дети собирались вокруг него, и спор становился тише.

В другом доме человек искал в хлебе покоя после тяжкого дня.

Пока ел, ему становилось легче.

Потом он стыдился того, что ел, и на другой день носил в себе и прежнюю тревогу, и новое обвинение.

К вечеру снова искал того же утешения.

И подумал я: странна власть вещей, когда человек просит у них не того, для чего они созданы.

Хлеб насыщает, но его заставляют утешать одиночество.

Вино веселит сердце, но его заставляют глушить страх.

Работу дают рукам, но ее заставляют доказывать достоинство человека.

Не всегда вещь виновна в цепи, которую из нее сделали.

Но мудр тот, кто однажды замечает, какой долг он велит платить хлебу, вину или труду.

23. О юноше и старце, плативших разную цену

Юноша шел со мною целый день и утром снова просился в дорогу.

Старший спутник мой шел медленнее и после пути долго молчал.

Юноша усмехнулся и сказал: «Когда-то и он был крепче».

Старец ответил: «Когда-то я дешевле платил за то же безрассудство».

Слова эти понравились мне.

Ибо годы меняют не только лицо человека.

Они меняют цену бессонной ночи, долгого пути, лишней чаши вина, беспорядка, гнева и труда без меры.

Молодой принимает быстроту восстановления за свойство души и думает, что так будет всегда.

Но старость также приносит дары.

Она учит не ходить на всякую битву, не всякому делу отдавать утро и различать, какая сила нужна для дороги, а какая нужна для отказа от нее.

24. О доме, где тело знало хозяина по шагам

Я входил в дома, где хозяин еще не появился во дворе, а слуги уже говорили тише.

Они узнавали шаги его за дверью.

Плечи их поднимались, дети убирали игру, жена прежде слов смотрела на лицо его.

И бывал я в другом доме, где разбитую чашу не прятали до утра и где ребенок не умолкал только потому, что отец вошел уставшим.

Тело многое узнает о близости прежде языка.

Оно помнит голос, паузу, движение руки и даже тишину за столом.

Так же, как страх, в плоть входит и мир.

Есть люди, рядом с которыми человек дышит полнее, сам того не замечая.

И велик дар дома, в котором телу не нужен всякий вечер готовиться к защите.

25. О дрожи перед незнакомой дорогой

Юноша должен был впервые говорить перед старейшинами.

В ночь перед этим он почти не спал, утром руки его были холодны, и сказал он наставнику: «Не пойду. Видишь, даже плоть моя противится».

Наставник ответил: «Она знает, что путь тебе незнаком. Но знает ли она, чем он окончится?»

Юноша пошел.

Он говорил неровно и несколько раз сбился, но никто не осмеял его.

Через время говорил снова, и дрожь была меньше.

Тогда размышлял я о том, что плоть хранит память лучше многих писцов.

Она боится прежнего, остерегается незнакомого и быстро собирается к защите.

В этом часто есть мудрость.

Но если всякую дрожь принять за пророчество, человек останется лишь на тех дорогах, по которым уже ходил.

26. О суде, который я перенес

Однажды предстояло мне решить тяжкий спор.

Ночь была коротка, голова болела, и слова одной стороны раздражали меня прежде, чем я успевал дослушать их.

Я был царем и мог вынести решение в тот же час.

Но именно поэтому не вынес.

Ибо если вода в сосуде взмучена, царская печать не делает ее прозрачной.

Я перенес суд.

Некоторые назвали это слабостью.

Но после думал я: большая власть требует не только умения действовать, но и умения узнать час, когда собственная рука ненадежна.

Кто знает, что после бессонной ночи становится жесток, тот уже не вправе удивляться всякому слову, сказанному им в этот час.

Мера человека меняется.

И потому иной раз лучше отложить печать, чем требовать от ослабевшей руки вчерашней твердости.

27. О последнем свидетеле

Был у меня управляющий, который никогда не отказывался от нового дела.

Он вставал прежде слуг и ложился после них.

Когда ему говорили о покое, он отвечал: «Пока стою на ногах, значит, могу».

Через время сон его стал коротким, память неверной, а малое препятствие вызывало в нем ярость.

Он говорил, что люди испортились.

Но прежде людей изменился слух его к собственному телу.

Тяжесть приходила как первый свидетель, бессонница как второй, боль как третий.

Он отсылал каждого.

Наконец явился свидетель, которого уже нельзя было удалить: человек перестал мочь то, что прежде заставлял себя делать.

И понял я, что граница не всегда враг силе.

Иногда она последняя стража у края, за которым сила становится разрушением.

28. О руке, которая знала раньше хозяина

Во время суда двух земледельцев заметил я, что один из них всякий раз при словах соседа тянет руку к поясу.

Когда-то там носил он нож.

Теперь ножа не было.

Я спросил: «Чего ищет рука твоя?»

Он посмотрел на нее, словно увидел руку другого человека.

И сказал: «Не знаю».

Тогда я долго думал об этом.

Бывает мгновение, когда событие уже вошло в человека, но еще не стало словом и поступком.

Плечи поднялись. Дыхание стало коротким. Рука вспомнила оружие. Сердце уже приготовило защиту.

Мал этот час, и человек легко проходит его, не заметив.

Но если однажды заметит, то узнает важную вещь: первый знак еще не есть повеление.

Плоть пришла на место события раньше разума.

А хозяин дома все еще может войти следом.

О грядущем, которое входит прежде своего часа

29. О человеке, встретившем день прежде рассвета

Видел я человека, которого позвали к судье наутро.

Еще не взошло солнце, судья не открыл уст своих, и свидетели не пришли, а человек тот уже был осужден в сердце своем.

Он вспоминал каждое слово минувших дней, всякий долг, всякую ошибку и всякий взгляд, который прежде не замечал. Ночью он спорил с обвинителем, которого не было в комнате, оправдывался перед судом, который еще не начался, и прощался с тем, чего никто у него не отнимал.

Утром оказалось, что судья хотел спросить его о чужом деле.

И размышлял я о том, как грядущее входит в человека прежде своего часа.

Мудрый готовится к завтрашнему дню, ибо земледелец не ищет семени во время жатвы. Но сердце, испугавшееся неизвестного, бывает расточительнее царя: оно раздает еще не наступившему дню власть над ночью, сном и миром настоя-

щего часа.

И случается, что беда приходит лишь однажды, а человек встречает ее много раз прежде ее прихода.

30. О страже, знавшей пыль на восточной дороге

Был у меня стражник, много лет смотревший с башни на восточную дорогу.

Он знал пыль от стада и пыль от колесниц, различал медленное облако каравана и быстрый след всадников. Однажды он велел затворить ворота прежде, чем другие увидели оружие вдалеке, и город избежал беды.

После того я понял, что ожидание не всегда враг человеку.

Прошедшее учит глаз видеть то, что неопытный еще не различает. Моряк читает ветер прежде бури, земледелец смотрит на небо иначе, чем гость, а мать слышит в дыхании младенца перемену, которой другой не заметит.

Но и хороший страж может однажды принять стадо за войско, если слишком долго ждал врага.

Память дает человеку зрение, но не обещает непогрешимости.

Ибо опыт подобен светильнику: он освещает дорогу впереди, но отбрасывает за человеком тень.

31. О шаге за дверью

В одном доме трое слышали ночью шаг у ворот.

Старик сказал: «Это сосед возвращается с поля».

Женщина сказала: «Не случилась ли беда с сыном моим?»

Молодой слуга схватился за нож, ибо прежде жил в доме, куда однажды пришли разбойники.

Шаг был один, а дома в сердцах их было три.

Когда дверь открыли, вошел путник, перепутавший двор.

И подумал я: звук приходит к уху один, но не одним становится в человеке.

Прошедшие дни сидят рядом с настоящим и шепчут ему имена. Страх называет неизвестное опасностью, надежда обещанием, вина обвинением.

И потому человек иногда клянется, что ясно видит происходящее, тогда как видит также то, что когда-то уже происходило с ним.

Не всякий шепот прошлого лжив.

Но прошлое любит узнавать себя даже там, где перед ним стоит другой человек и другой день.

32. О земледельце, который посеял прошлогоднюю засуху

После года великой засухи пришел ко мне земледелец просить зерна для посева.

Житницы мои были открыты, колодцы после зимы полны, земля весною приняла воду. Но он взял лишь половину того, что мог засеять.

«Для чего оставляешь поле пустым?» спросил я.

Он отвечал: «Я знаю это небо. Оно даст надежду, а потом отнимет».

В тот год дожди пришли вовремя, и половина его земли осталась праздною. Соседи собрали хлеб.

На следующий год снова было сухо. Земледелец пришел ко мне и сказал: «Видишь, я знал».

Я спросил: «А прошлый год ты тоже знал?»

Он не ответил.

И увидел я, как один минувший год может поселиться впереди человека и ждать его там, куда он еще не пришел.

С тех пор, когда прошлое садится среди моих советников, я слушаю его внимательно. Но места царя ему не отдаю.

Прошлогодняя засуха знает прошлогоднее лето. Нынешнее небо ей не подвластно.

33. О муже, который начал отвечать прежде вопроса

Пришел ко мне один начальник, ожидавший упрека.

Я еще не спросил его о деле, а лицо его уже стало суровым.

Я сказал: «Почему задержались люди у северного канала?»

Он отвечал: «Не я виноват в том, что камень оказался слаб, и если кто говорит иначе, пусть сперва покажет, что сделал сам».

Тогда я спросил: «Кто обвиняет тебя?»

Он замолчал.

И увидел я, как человек иной раз приносит на встречу не только себя, но и разговор, который уже совершился внутри него.

Другой еще не поднял меча, а он поставил щит. Другой видит щит и думает, что перед ним враг. Так то, чего сначала не было между двумя, получает место, голос и оружие.

Много распрей начинается не с первого сказанного слова, а с ответа на слово, которого никто не говорил.

34. О купце, который торговался сам с собою

Был в Иерусалиме мастер, делавший прекрасные сосуды.

Когда приходил богатый покупатель, мастер заранее думал: «Он не даст настоящей цены».

И потому называл цену ниже той, которую считал справедливой. Говорил тихо, оправдывал труд свой и еще прежде торга предлагал уступку.

Покупатель видел его неуверенность и торговался сильнее.

После продажи мастер возвращался домой и говорил жене: «Видишь, люди не ценят хорошей работы».

И год за годом получал доказательство тому, чего боялся.

Тогда сказал я ему: «Ты приходишь на торг вдвоем со своим покупателем, но торговаться начинаешь еще до его прихода».

Человек не повелевает чужим серебром и не может одной уверенностью заставить мир дать ему желаемое.

Но иногда он прежде других уменьшает то, что надеется получить, а потом принимает собственный след за след судьбы.

35. О доме, который берегли от ухода

Знал я мужа, который сильно любил жену свою и еще сильнее боялся лишиться ее.

Когда она задерживалась у родных, он спрашивал, почему так долго. Когда молчала, искал причину молчания. Когда радовалась без него, сердце его беспокоилось.

Он говорил: «Я берегу наш дом».

И стал следить за каждым окном дома своего.

Жена сперва объясняла, потом оправдывалась, потом уставала объяснять. То, что прежде рассказывала свободно, стала рассказывать осторожно, ибо всякое слово порождало новый вопрос.

Муж увидел осторожность ее и сказал: «Вот, я знал, что ты отдаляешься».

И прибавил стражи.

Так страх его оказался похож на человека, который, опасаясь пожара, закрыл все отверстия в доме, а потом удивился, что в нем нечем дышать.

Не всякий уход начинается в сердце того, кто боится остаться один.

Но видел я и такое: человек сам делал тяжким то место, из которого страшился ухода любимого.

36. О доброй вести, которой не ждали

Один из моих слуг долго просил позволения перейти к иной работе, но всякий раз ожидал отказа.

Наконец пришел он и говорил так тихо, словно уже услышал «нет».

Я выслушал и сказал: «Иди. Это дело тебе подходит лучше».

Он долго смотрел на меня и не двигался.

Потом вышел, а через час вернулся другим шагом.

Не прибавилось золота в суме его, и труд еще не начался, но лицо его стало живее, спина прямее, речь быстрее.

Я спросил себя: откуда пришла эта новая сила?

Иногда человека утомляет не только тяжесть пути, но и будущее, которое он уже считает закрытым.

И когда дверь, давно признанная запертой, оказывается открыта, ноги узнают об этом прежде, чем человек успеет объяснить радость свою.

37. О человеке, потерявшем опору в ясный день

И видел я также обратное.

Молодой торговец был уверен, что большое дело уже принадлежит ему. Он заранее распределил прибыль, обещал семье новый дом и говорил о будущем так, будто оно поставило свою печать на его договоре.

Но покупатель выбрал другого.

Торговец не лишился прежнего ремесла, дом его не разрушился, хлеб на столе остался.

И все же несколько дней он ходил так, будто у него отняли больше, чем он имел.

Тогда понял я, что человек скорбит не только о потерянной вещи.

Он скорбит также о будущем, в котором уже успел пожить.

Надежда может кормить прежде урожая, и потому неурожай бывает голодом еще до пустого амбара.

Не следует презирать надежду.

Но полезно помнить, что даже самое ясное завтра до своего прихода остается гостем, которому еще не отдали ключей от дома.

38. О человеке, который не впустил добрую весть

Был человек, привыкший считать, что всякий сильный унизит слабого.

Жизнь дала ему немало причин думать так.

Однажды он ошибся в деле перед начальником своим и приготовился к позору.

Начальник же выслушал его и сказал: «Исправь, чему можешь научиться, и возвращайся к работе».

Человек вышел пораженный.

Но к вечеру объяснил себе: «Он просто был в хорошем расположении. В другой раз покажет истинное лицо».

Так случилось и во второй раз, и он сказал: «Ему сейчас выгодно быть мягким».

И в третий раз нашлась причина, почему добро не должно считаться добром.

И подумал я: не только беда бывает упряма.

Упрям бывает и старый суд, однажды вынесенный сердцем.

Мир уже говорит человеку новое, а он держит перед ним прежнюю запись и требует, чтобы всякий новый день подписал ее.

39. О воротах, у которых задержали караван

Однажды караван мой подошел к воротам чужого города, но стража долго не открывала.

Солнце склонялось, люди устали, за стенами ждали купцы, а ответа не было.

Один начальник каравана сказал: «Проверим письма, пошлем гонца к другим воротам и узнаем причину».

Другой сказал: «Нас не впустят. Товар пропадет. Все города теперь враждебны нам».

Ворота были одни и все еще оставались закрыты.

Но первый человек стоял перед воротами, а второй уже стоял среди погибшего товара, потерянного серебра и будущих бед.

Через время выяснилось, что у ворот сменился начальник, а новая печать еще не была известна страже.

Нас пустили.

И я подумал: неизвестность есть пустое место, но сердце редко оставляет его пустым.

Оно быстро населяет его теми, кого давно знает.

40. О писце, который записывал только поражения

Был у меня писец, уверенный, что не способен говорить перед собранием.

В первый раз голос его дрожал, и люди почти не слышали окончания речи.

Во второй раз он сказал лучше.

После собрания я похвалил его, но он ответил: «Сегодня просто мало спорили».

В третий раз он выдержал возражение старшего советника и не потерял мысли.

Он сказал: «Мне попался легкий вопрос».

Так прошло много времени.

Он становился искуснее, но в книге, которую вел о самом себе, оставалась только первая запись: «Я не умею говорить».

И понял я, что новый день не всегда изменяет человека только потому, что случился.

Есть опыт, который входит в память, и есть опыт, который остается за дверью, потому что человек называет его случайностью.

Кто записывает только поражения, тот может победить много раз и все еще считать себя побежденным.

41. О второй чаше воды

Один путник много лет пил из колодцев, где вода была горька.

Придя в другое селение, он попробовал воду и сказал: «Сегодня повезло».

На другой день вода была такой же, и он сказал: «Бывает и это».

На третий день он спросил хозяина: «Всегда ли здесь такая вода?»

Хозяин ответил: «Сколько помню».

Тогда путник наполнил мех на дорогу.

И подумал я: один добрый случай не всегда сильнее многих дурных лет.

Сердце, долго учившееся опасаться, не обязано разучиться за один вечер.

Но если новое приходит снова и снова, а человек не закрывает глаза, прежнее знание начинает тесниться.

Не всякая перемена совершается громом.

Иная входит в человека, как чистая вода в сухую землю: сначала исчезает без следа, а потом оказывается, что земля уже стала другой.

42. О городе, в котором война началась прежде войска

Пришла однажды весть, что царь северной земли собирает войско.

Весть была от одного купца. Он сам войска не видел, но слышал об этом на дороге.

Начальник ворот велел удвоить стражу. Это было разумно.

Купцы же спрятали зерно. Менялы подняли цену серебра. Люди стали покупать муку на месяцы вперед. Караванщики, увидев закрытые склады, пошли другой дорогой. Через несколько дней хлеб в городе стал дорог, у ворот начались ссоры, а бедные уже говорили о голоде.

Войско северного царя не пришло. Позднее оказалось, что он собирал людей для войны на другой границе.

Но наш город успел прожить часть войны без врага.

Я не упрекнул начальника ворот за двойную стражу. Кто слышит о войне и не готовится, тот глуп.

Но я увидел и другое: ожидаемая беда иногда входит в город не через ворота. Люди сами несут ее на рынок, в житницы и в дома.

С тех пор при дурной вести я спрашивал: где враг? И еще: что уже сделал с нами один слух о нем?

Ибо иной враг еще не дошел до стены, а город уже платит ему дань.

О трех дорогах перед препятствием

43. О трех слугах у одной стены

Видел я трех слуг, которых послал к старой стене, закрывавшей путь воде.

Первый ударял в одно место с утра до вечера и говорил: «Камень уступает тому, кто не отступает».

Второй обошел стену, искал трещину, спрашивал старых строителей и нашел место, где кладка была слабее.

Третий сел в тени и сказал: «Стена велика. Подождем, пока придет иной день».

И не сказал я тогда, кто из них мудрее.

Ибо бывает камень, который уступает только многим ударам. Бывает стена, которую разумнее обойти. И бывает час, когда рука должна опуститься, чтобы человек не истратил себя прежде дела.

Не в том мудрость, чтобы всегда продолжать, всегда искать или всегда отходить.

Мудрость труднее: узнать, какой ответ требует именно этот камень.

44. О виноградаре, который не бросил лозу

Один виноградарь три года ухаживал за молодой лозой, а плода почти не было.

Соседи смеялись и говорили: «Выкорчуй ее. Земля твоя напрасно кормит дерево».

Но виноградарь знал срок лозы и продолжал: рыхлил землю, берег корень от жары, подрезал слабые ветви.

На четвертый год лоза принесла плод.

И подумал я: не всякое промедление есть отказ мира.

Есть дела, которым нужно время, прежде чем они ответят человеку.

Кто меняет путь после первого сопротивления, тот будет вечно начинать и редко увидит жатву.

Но упорство мудро лишь пока человек знает, что именно он растит.

45. О колодце, который копали после исчезновения воды

В другой земле люди много лет брали воду из одного колодца.

Когда вода стала уходить, они сказали: «Нужно копать глубже».

И копали.

Когда дно стало сухим, они сказали: «Мы мало стараемся».

И копали еще.

Но старик, знавший землю, сказал: «Русло ушло к востоку. Вы углубляете яму, из которой вода уже ушла».

Тогда некоторые возмутились: «Мы столько труда вложили сюда, что не можем оставить».

И увидел я странную вещь: прошедший труд стал для них доводом против настоящей воды.

Человек легко называет верностью то, что боится признать ошибкою.

Но земля не обязана вернуть воду за прежние усилия.

46. О проводнике, который сказал: «Не знаю»

Шел караван через горы, и проводник наш увидел, что привычная тропа осыпалась после дождей.

Купцы спросили: «Куда теперь?»

И он ответил: «Не знаю».

Некоторые возроптали: «Для чего нам проводник, который не знает дороги?»

Но он поднялся на склон, послал двух людей вперед, спросил пастухов и к вечеру нашел новый проход.

И подумал я: людям приятно идти за тем, кто говорит уверенно.

Но уверенность не прокладывает тропы в камне.

Иногда мудрый ведет именно потому, что способен признать: прежнего пути больше нет.

Кто стыдится незнания сильнее, чем неверной дороги, тот дорого платит за свое лицо.

47. О человеке, который всю жизнь выбирал дорогу

Был человек, желавший открыть торговое дело.

Он долго выбирал место.

Нашел одно и сказал: «Здесь мало путников».

Нашел другое: «Здесь слишком много соперников».

У третьего места был хороший рынок, но плохой колодец.

У четвертого хороший колодец, но дорога становилась грязной зимой.

Так проходили годы, а человек все еще выбирал.

И каждый новый довод казался ему признаком рассудительности.

Между тем другой купец выбрал место не лучшее из возможных, поставил лавку, ошибался, исправлял и через годы знал свой рынок лучше первого.

Тогда понял я: поиск спасает от слепого пути, но может спасти и от самого пути.

Есть время рассматривать дороги, и есть время выбрать одну из них и запылить ноги.

48. О поле, оставленном под паром

У земледельца было поле, которое много лет давало хороший хлеб.

Он сеял на нем без отдыха, ибо боялся потерять урожай.

Но земля стала беднее, колосья ниже, а труд тяжелее.

Старый сосед сказал ему: «Оставь поле на срок».

Земледелец ответил: «Как может пустое поле приносить пользу?»

И все же послушался.

Год земля не дала ему хлеба. Но когда он вернулся к ней, почва была иной.

И подумал я: человек часто считает полезным только то время, в которое видит плод.

Но есть покой, который не отнимает участие, а сохраняет возможность участия.

Не всякое отступление есть поражение. Иногда земля молчит, чтобы снова стать плодородной.

49. О двери, которую закрыли и забыли открыть

Один человек после многих ссор перестал ходить к друзьям.

Сначала это принесло ему облегчение.

Никто не требовал объяснений, никто не мог задеть его, и вечер стал тих.

Он сказал: «Наконец я нашел покой».

Прошли месяцы. Потом годы.

Друзья перестали звать, новые люди не вошли в дом, а сам он уже боялся встречи сильнее прежнего.

Дверь была закрыта для защиты, но петли заржавели.

И подумал я: есть отступление, после которого человек возвращается, и есть такое, которое постепенно делает возвращение невозможным.

Не всякая тишина есть мир.

Иногда это дом, в котором давно никто не открывал окон.

50. О военачальнике, сменившем три приказа

Во время похода один военачальник увидел неприятеля на дальнем холме и приказал людям держать строй.

Когда разведчики сообщили о второй дороге в тыл, он изменил построение и послал людей осмотреть овраг.

К вечеру начался сильный дождь, земля стала вязкой, и он отвел войско на сухое место.

Молодой воин спросил: «Какой из трех приказов был правильным?»

Военачальник ответил: «Каждый в свой час».

Верность делу не требует верности каждому прежнему движению.

51. О молоте, который был хорош только для камня

Был у меня мастер, превосходно тесавший камень.

Когда нужно было укрепить ворота, он ударял точнее всех.

Но затем поставили его над работами, где были дерево, медь, глина и ткань.

И всякую трудность он встречал одним способом: усиливал удар.

Дерево трескалось, глина ломалась, работники прятались от него, а он говорил: «Люди стали слабы».

Тогда я понял: даже хорошее орудие становится бедствием, если рука не знает другого.

Человек часто гордится тем способом, который однажды спас его.

И чем больше он обязан ему прошлым, тем труднее замечает, что настоящее просит иного.

52. О дороге, которую человек сам делал единственной

Знал я мужа, который всякий спор встречал нажимом.

Люди начинали защищаться, и он говорил: «Видишь, иначе они не понимают».

Другой при всяком решении открывал еще три возможности. Дела его множились незавершенными, и он говорил: «Мир слишком сложен, чтобы выбирать быстро».

Третий уходил от трудных разговоров. Невысказанное копилось, и он говорил: «Вот почему с людьми нельзя иметь мира».

И увидел я, как ответ человека возвращается к нему в лице мира.

Он давит и встречает сопротивление. Мечется и получает хаос. Исчезает и встречает расстояние.

Потом называет это судьбою.

Так дорога, по которой человек ходит долго, сама начинает убеждать его, что другой дороги нет.

53. О сильном человеке, которого хвалили слишком долго

Жил человек, о котором говорили: «Он никогда не сдается».

Слова эти были ему приятны.

Когда дело приносило плод, он продолжал. Когда перестало приносить плод, продолжал также. Когда тело стало просить покоя, он счел покой позором. Когда близкие просили его изменить способ, услышал в этом малодушие.

И чем тяжелее становился путь, тем больше хвалил себя за то, что идет.

Наконец его остановила болезнь, которой он уже не мог приказать.

И размышлял я: люди любят добродетели, которые хорошо видны с площади.

Продолжающий кажется сильным. Ищущий кажется сомневающимся. Отошедший часто кажется слабым.

Но жизнь не знает этой лестницы почета.

Иногда мужество продолжает. Иногда говорит: «Я не знаю». Иногда вовремя прекращает бой, которого уже не следует вести.

54. О советнике, который боялся сказать царю: «Мы ошиблись»

Один мой советник предложил построить дорогу через каменистую долину.

Работа началась, но вскоре стало ясно, что воды там меньше, чем полагали, а путь обойдется слишком дорого.

Я спросил его: «Что видишь теперь?»

Он долго перечислял способы ускорить работу и увеличить число людей.

Тогда сказал я: «Ты отвечаешь не на мой вопрос».

И он признался: «Мне страшнее сказать, что первый совет был плох, чем продолжать плохой совет».

Так понял я, почему власть особенно нуждается в людях, способных искать иной путь.

Не потому, что царь должен вечно сомневаться.

А потому, что вокруг всякого сильного решения быстро собираются люди, которым становится дороже сохранить его честь, чем проверить его правду.

55. О свитке, который не хотел закончиться

Захотел один книжник составить книгу о мудрости народов.

Он беседовал со старцами, собирал пословицы, выписывал речи судей и рассказы путников.

Каждый новый свиток открывал ему еще десять вопросов.

Он говорил: «Я почти готов. Нужно узнать еще немного».

Прошло много лет, а книга все еще была прекрасным замыслом.

Тогда старый писец спросил его: «Ты собираешь мудрость для книги или книгу сохраняешь от дня, когда ее придется показать людям?»

Книжник обиделся.

Но через месяц перестал собирать новые записи и начал выбирать из старых.

И увидел я: поиск открывает множество дверей, но ни одна книга не пишется дверями.

В какой-то час человек должен войти в одну комнату и согласиться, что остальные останутся за стеной.

56. О садовнике, который отошел от дерева

Садовник долго пытался выправить ветви старого дерева.

Чем дольше смотрел, тем больше видел недостатков. Он срезал одну ветвь, потом другую и уже поднял нож к третьей.

Тогда хозяин сада велел ему уйти до утра.

На другой день садовник вернулся и долго стоял в стороне.

Потом сказал: «Если бы я продолжил вчера, я лишил бы дерево половины кроны».

И подумал я: близость к делу иногда делает глаз слепым.

Есть отступление, которое возвращает зрение.

Но видел я и людей, которые называли ожиданием то, что было страхом вернуться.

Пауза мудра не тишиною своей, а возвращением, которое она делает возможным.

57. О человеке, заметившем, какой путь уже ведет его

Пришел ко мне человек и сказал: «Я хочу понять, что мне делать».

Пока говорил, он снова и снова доказывал жене свою правоту, хотя ее не было рядом. Потом предложил четыре новых решения одного дела и ни одного не хотел выбрать. А когда речь дошла до долга перед братом, сказал: «Об этом я пока не стану думать».

Я спросил его: «Разве ты еще не делаешь?»

Он удивился.

Тогда сказал я: «В одном месте ты уже давишь. В другом уже ищешь. В третьем уже ушел».

И долго молчал он.

Человек редко стоит перед тремя дорогами как царь перед картой.

Чаще ноги его уже идут по одной из них, пока разум только собирается решить.

Но тот, кто однажды увидел собственные ноги, еще не выбрал другой путь.

Он лишь впервые получил возможность не называть привычное движение судьбою.

О замысле, который еще не стал делом

58. О человеке, распорядившемся завтрашним днем

Был у меня управляющий, который особенно хорошо распорядился делами после заката.

За вечерней чашей он говорил: «На рассвете поеду к северному каналу, затем приму старост, после полудня разберу счета, а к вечеру закончу спор двух земледельцев».

Все это звучало разумно. Вечер был тих, никто уже не входил с новыми просьбами, и завтрашний день лежал перед ним, как чистая глиняная табличка.

Но утром у канала нашли обвал. Один староста привез больного сына. Из деревни пришел гонец о пропавшем стаде. Счетов оказалось вдвое больше, чем помнил управляющий.

К полудню он был сердит на себя за то, что снова не исполнил собственного порядка.

Я долго смотрел на него и однажды сказал: «Ты каждый вечер поручаешь дела человеку, которого еще не встретил». Он не понял.

Тогда я спросил: «Почему ты уверен, что завтрашний день

примет твой приказ прежде, чем принесет свой?»

С тех пор я осторожнее стал с обещаниями, которые человек дает из часа, уже освобожденного от труда, часу, который еще не начался.

Будущее покорно, пока не наступило.

59. О деле, исполненном в сердце

Один вельможа много месяцев не возвращал серебро старому другу.

Однажды вечером он пришел ко мне и сказал: «Завтра же пошлю ему долг. Мне стыдно, что я тянул так долго».

После этих слов лицо его стало спокойнее. Он говорил уже о другом, шутил и ушел домой с видом человека, снявшего с себя тяжесть.

Через десять дней я спросил, дошло ли серебро.

Он опустил глаза.

«Нет. Но я твердо решил отдать».

Тогда я увидел странную вещь: решение иногда получает часть платы прежде дела.

Человек еще не прошел дорогу, но в сердце уже приветствует себя как вернувшегося. Еще не попросил прощения, но на миг чувствует себя примирившимся. Еще не начал труд, но ясность замысла дает ему вкус порядка.

Потому иной замысел умирает не от слабости, а от того, что слишком рано накормил хозяина.

Он дал человеку облегчение, которое должно было прийти после поступка.

60. О письме, которое становилось тяжелее каждый день

Был у меня писец, которому надлежало отправить письмо человеку, с которым он поссорился.

Письмо было коротким. В нем не требовалось ни мудрости, ни долгого труда. Нужно было признать резкое слово и предложить встретиться.

В первый день писец сказал: «Отправлю после полудня».

После полудня ему стало неловко, что он тянул до полудня, и он решил послать письмо утром.

Утром следующего дня он подумал, что теперь надо объяснить и вчерашнее молчание.

Через три дня к извинению уже требовалось добавить причину задержки. Через неделю ему казалось, что короткого письма мало и нужно написать такое, которое оправдает все семь дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.